

лей, помощниковъ, ни учениковъ, а пользоваться тѣми условіями, какія есть, развивая или, скорѣе, предоставляя развиваться дальнѣйшему.

«Прибавляю еще о рисованіи и музыкѣ...

«Обученіе на фортепіано есть рѣзкій признакъ ложно поставленнаго воспитанія. Какъ въ рисованіи, такъ и въ музыкѣ, дѣти должны быть обучаемы, пользуясь самыми всегда доступными средствами (въ рисованіи мѣломъ, углемъ, карандашомъ, въ музыкѣ — своей глоткой умѣть передавать то, что они видятъ или слышатъ). Это начало. Если бы послѣ — что очень жалко — для исключительныхъ оказалось особенное дарованіе, тогда можно учиться писать масляными красками или играть на дорогихъ инструментахъ.

«Для обученія этой элементарной грамотѣ рисовальной и музыкальной, я знаю, что есть хорошія, новыя руководства.

«Для обученія же языкамъ — чѣмъ больше, тѣмъ лучше — я думаю, надо учить французскому, нѣмецкому, непременно англійскому и эсперанто, если можно. И учить надо, предлагая имъ читать знакомую по-русски книгу, стараясь понимать общій смыслъ, попутно обращая вниманіе на нужнѣйшія слова, корни словъ и грамматическія формы»...

Огромное значеніе, какое Толстой придаетъ изученію языковъ, вполне понятно въ виду того изолированнаго положенія, въ какомъ находится Россія по своему языку. Сравнительно немногіе иностранцы даютъ себѣ трудъ заниматься изученіемъ русскаго языка. Что маленькія дѣти легко научаются говорить на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ такъ же хорошо, какъ на своемъ родномъ, это фактъ общеизвѣстный. Но стоитъ ли заниматься языками такъ много въ болѣе позднемъ возрастѣ или при отсутствіи особой склонности къ нимъ, это для меня еще подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ предложеніе Толстого не можетъ принести вреда при томъ условіи, при какомъ оно дѣлается: учить лишь тѣхъ, которые хотятъ учиться.